МИХАЭЛЬ ФОН АЛЬБРЕХТ

ИСТОРИЯ РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

MICHAEL VON ALBRECHT

GESCHICHTE DER RÖMISCHEN LITERATUR

VON ANDRONICUS BIS BOETHIUS

MIT BERÜCKSICHTIGUNG IHRER BEDEUTUNG FÜR DIE NEUZEIT

I

Zweite, verbesserte und erweiterte Auflage

K · G · SAUR
MÜNCHEN · NEW PROVEDENCE · LONDON
PARIS 1994

МИХАЭЛЬ ФОН АЛЬБРЕХТ

ИСТОРИЯ РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОТ АНДРОНИКА ДО БОЭЦИЯ

И ЕЕ ВЛИЯНИЯ НА ПОЗДНЕЙШИЕ ЭПОХИ

I

Перевод с немецкого А. И. Любжина

Под редакцией А. А. Россиуса

Издательский Дом ЯСК
Москва 2026

УДК 821.124.0(37)(091)(075.8)
ББК 83.3(0)3я73
А 56

Издание осуществлено при финансовой поддержке
ЗАО «НФБК Капитал»,
Акционерное общество «Независимая Финансовая Брокерская Компания»

Перевод сверен и отредактирован автором

Альбрехт Михаэль, фон (Альбрехт Михаил Георгиевич, фон)

А56 История римской литературы. Т. 1 / Пер. А. И. Любжина; под ред. А. А. Россиуса. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2026. — 704 с.

ISBN 978-5-6053501-2-5 (Т. 1) ISBN 978-5-6053501-9-4

Труд Михаэля фон Альбрехта задуман как фундаментальная история римской литературы от Ранней республики (середина III века до н. э.) до Поздней античности (первая половина VI века н. э.). Разделение на 3 т. представляется наиболее удобным для читателя. Структура текста организует изучение литературы по историческим периодам, каждый из которых предваряет обзорная глава, затем поэзия и проза исследуются отдельно. Внутри исторического периода выделяются жанры и значимые авторы. В творчестве каждого автора рассматриваются аспекты: жизнеописание и источники, даются фрагменты произведений и обсуждается литературная техника; анализируется язык и стиль автора, изучаются его литературно-теоретические взгляды, оценивается влияние на последующие эпохи (включая Новое время). Помимо научной значимости, открытий и оригинальных трактовок М. ф. Альбрехта в области литературного процесса, такой подход делает сочинение идеальным обучающим пособием для студентов различных гуманитарных специализаций.

Изданный впервые на немецком в 1992 г. и переведенный на английский, итальянский, испанский, новогреческий, на русском языке труд был издан в 2003–2005 в переводе Алексея Любжина под редакцией Андрея Россиуса; перевод учитывал авторскую правку для английского издания текста и специальные дополнения М. ф. Альбрехта для читателей в России; тираж был полностью раскуплен и ныне является библиографическим раритетом. Учитывая популярность данного труда в среде гуманитариев и востребованность у учащихся вузов, Издательский Дом ЯСК ныне предлагает его переиздание в 3-х т.

УДК 821.124.0(37)(091)(075.8)
ББК 83.3(0)3я73

В оформлении переплета использовано
фото Михаэля фон Альбрехта из личного архива, 1998 г.

ISBN 978-5-6053501-2-5
9 785605 350125 >

© [2]1994 by K. G. Saur Verlag
© А. И. Любжин, перевод, 2002
© Издание на русском языке, оформление.
Издательский Дом ЯСК, 2026

МОИМ УЧИТЕЛЯМ
И УЧЕНИКАМ

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 11
Предисловие ко второму изданию 12
Предисловие автора к русскому изданию 13
Предуведомление о пользовании книгой 15

ВВЕДЕНИЕ: ЛИТЕРАТУРА И ЕЕ ИСТОРИЯ 17

ПЕРВАЯ ГЛАВА:
УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 21

Исторические рамки 23
Условия возникновения литературы 25
Латинская и греческая литература:
традиции и новаторство 31
Индивидуальность и жанр 34
Диалог с читателем и литературная техника 41
Язык и стиль 47
Образ мыслей I: Овладение миром духовного —
поэзия, мысль, дидактика 52
Образ мыслей II: Между древнеримским менталитетом
и новыми идеями 54
На пороге литературы 63

ВТОРАЯ ГЛАВА:
ЛИТЕРАТУРА РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ЭПОХИ 71

I. ЛИТЕРАТУРА РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ЭПОХИ:
ОБЩИЙ ОБЗОР 73

Исторические рамки 73
Условия возникновения литературы 77

Латинская и греческая литература 81
Жанры 84
Язык и стиль 90
Образ мыслей I: Литературные размышления 92
Образ мыслей II 93

II. ПОЭЗИЯ 101

A. Эпос и драма 101
Римский эпос 101
Римская драма 116
Ливий Андроник 139
Невий 147
Энний 158
Пакувий 176
Акций 184
Плавт 194
Цецилий 240
Теренций 248

B. Сатира 277
Римская сатира 277
Луцилий 287

C. Дидактический эпос 305
Римская дидактическая поэзия 305
Лукреций 321

D. Лирика и эпиграмма 362
Римская лирика 362
Римская эпиграмматическая поэзия 374
Катулл 377

III. ПРОЗА 404

A. Историография и родственные жанры 404
Римская историография 404
Историография эпохи республики 414
Катон Старший 435
Цезарь 451
Саллюстий 480

B. Биография 512
Биография в Риме 512
Непот 525

C. Ораторское искусство, философия, письмо 538
Римские ораторы 538
Философские писатели в Риме 548
Письмо в римской литературе 561
Цицерон 568

D. Специальная и образовательная литература 616
Римская специальная литература 616
Латинские грамматики 635
Риторические писатели в Риме 639
Риторика к Гереннию 643
Варрон 646
Римские юристы 670
Юридическая литература республиканской эпохи 686

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда в Европе падают пограничные столбы, возникает вопрос, не будет ли внутреннее сближение народов отставать от внешнего. И здесь как раз и стоит прислушаться к свободному от догматизма голосу той литературы, которая в определенной мере оплодотворила все европейские: не столько частично обусловленные эпохой ответы римских авторов на некоторые вопросы, сколько сама их постановка, метод и критерии качества были и остаются для многих людей путем к самостоятельному мышлению и духовной свободе. Предлагаемая читателю книга адресована не только изучающим и преподающим древние и новые языки, но и всем интересующимся.

Задача, которую передо мной поставило почти два десятка лет тому назад мое почти юношеское легкомыслие, не стала легче с годами: чем более продвигалась работа, тем дальше, казалось, становилась цель — год от года все больше становилось исследовательской литературы, все больше приходилось сомневаться и недоумевать автору. Его очень стесняли общие рамки литературно-исторического знания и узкие пределы такого подхода к текстам, о которых будет речь во *Введении*, еще тяжелее — особые ограничения, которым подлежат познания и способность к восприятию даже и любознательного автора, тяжелее всего — необходимость подходить к текстам извне и, вместо истолкования, с помощью скудных сведений только подводить к истолкованию. Цитаты и пересказы даются умеренно, однако это не относится к ссылкам: книга выполнит свою задачу, если заставит читателя почувствовать потребность снова заглянуть в издание классика или открыть для себя до сих пор неизвестного автора.

За постоянное ободрение и напоминание о верности «главному делу» автор благодарит своего незабвенного учителя Пауля Людвига †, за самые разнообразные и глубокомысленые указания в университетские годы — своего глубокоуважаемого научного руководителя Эрнста Цинна †, сочетавшего глубину познаний с мудростью, за слова одобрения — Вольфганга † и Марию Шадевальдт, Эккарда Лефевра, Христиана Хабихта, Эрнста А. Шмидта, Вернера Зюрбаума. Из книг, наиболее зна-

чимых для автора, прежде всего хотелось бы отметить с благодарностью *Orationis ratio* А. Д. Лемана и его же мастерский сборник статей *Form und Sinn. Studien zur römischen Literatur.* И если самоотверженная работа осталась для автора без серьезных последствий, это не в последнюю очередь заслуга его жены и ее самопожертвования: своей критикой она участвовала в создании этой книги строка за строкой.

За прочтение отдельных глав и советы, сообщенные в письмах, автор благодарит своего замечательного учителя Пьера Курселя †, глубокого знатока позднеантичных корней европейской культуры и поборника — делом, а не словом — немецко-французской дружбы, коллег и друзей Нила Эдкина, Вальтера Бершина, Уву Фрёлих, Сабину Гребе, Вольфганга Хюбнера, Рейнхарда Хойслера, Вальтера Кисселя, Кристину Мартине, Конрада Мюллера, Франца М. Шерера, Гарета Шмелинга. Однако за текст книги автор отвечает только сам. Многие коллеги содействовали его работе присылкой книг и статей. Хотелось бы от всего сердца поблагодарить также и бесчисленных верных студентов, которые в течение многих лет не щадили труда для сверки и правки; для них, первых читателей, прежде всего и предназначена эта книга.

Без предоставленной фондом *Volkswagenwerk* возможности заниматься исследовательской работой в течение года (1988—1989) эта книга не могла быть написана. На более ранней стадии весьма полезной для двух глав оказалась работа в *Institute for Advanced Study* в Принстоне (1981—1982). За энергичную поддержку проекта в решающей для него конечной фазе автор благодарит фонд *600 лет Гейдельбергскому университету*, фонд *Гуманизм сегодня* федеральной земли Баден-Вюртемберг (председатель Гюнтер Вёрле) и не в последнюю очередь — канцлера Гейдельбергского университета Зигфрида Крафта.

Хотелось бы, чтобы книга читалась легче, чем писалась, и не подтвердила предрассудков ни некоторых земляков, будто научно лишь то, что трудно понять, ни иных иностранцев, будто немецкие книги настолько тяжелы для чтения, что лучше от него воздержаться.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Новое издание этой книги оказалось необходимым прежде всякого ожидания. Учитывая до сих пор вполне доброжела-

тельный прием, радикальная переработка текста показалась ненужной, но была предпринята попытка не отставать от исследовательских достижений последних лет. Таким образом в новом виде книга в нескольких сотнях случаев выиграла в точности и актуальности. Благодаря великодушию издателя К. Г. Заура появилась возможность не только исправить недосмотры, но и включить некоторые новые наблюдения и ссылки на многочисленные новинки. За библиографическую помощь автор благодарит Фридерику Брудер, Грегора Дамшена и Сабину Гребе. Хотелось бы еще раз поблагодарить всех, кто облегчил автору работу присылкой своих публикаций. Сердечной признательности заслуживают прежде всего внимательные читатели, взявшие на себя труд письменно сообщить свои предложения: Эккхард Кристманн, Манфред Гордон, Эккарт Меншинг, Сигрид Мрачек-Халфманн, Кевин Дж. Ньюмен, Стивен Ньюмайер, Франц М. Шерер, Альдо Сетайоли, Эрнст Фогт, Юла Вильдбергер и в особенности Рейнхард Хойслер, Тильманн Лейдиг, Карлхайнц Мизера и Детлеф Либс.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

С особенной радостью автор приветствует появление русского издания «Истории римской литературы». Таким образом, хоть духовно, завершается часть одиссеи семейства Альбрехт, с первых лет XIX века прожившего больше столетия в России, а после первой мировой войны разбросанного по всему миру (Польше, Чехии, Германии, Франции, Африке, Австралии, Америке), но нигде не забывавшего русского языка. Автор от души благодарит своего друга и соратника Олега Дмитриевича Никитинского, который не только был πρῶτος εὑρετής этого перевода, но и мужественно и победоносно боролся за его осуществление. Алексей Игоревич Любжин с большим восторгом и самоотвержением подарил этой книге свой голос, все обилие, всю точность и красочность своей русской речи. Автор и переводчик глубоко обязаны незабвенному Александру Иосифовичу Зайцеву, Михаилу Леоновичу Гаспарову, Андрею Александровичу Россиусу, Юрию Анатольевичу Шичалину и Дмитрию Олеговичу Торшилову за дружескую помощь. Без согласия издательства Saur (Мюнхен) и без пособия INTER NATIONES (Бонн) оказалось бы невозможным осуществить перевод.

Фаддей Францевич Зелинский, чьи лекции отец автора, Георгий Давидович фон Альбрехт, композитор русской оперы «Отче наш», слушал еще в Петербурге, был уверен, что после итальянского, французского, английского и немецкого Ренессанса предстоит восточно-европейский. Автор вполне согласен с этим пророчеством, он сам убедился в том, что в Москве, в Петербурге, в Тбилиси и в других центрах восточной Европы не только возобновляются лучшие традиции классической филологии, но и вообще развивается новое понимание духовного единства «европейского дома». Во всех странах молодежь сознает, почему самые различные правительства железного двадцатого века с редким единодушием преследовали классическое образование: ведь оно способствует развитию независимого мышления. Автор от души приветствует возрождение классического образования в России и уверен в том, что латынь и греческий, именно потому что они не поддаются модным течениям, никогда и нигде не выйдут из моды.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ О ПОЛЬЗОВАНИИ КНИГОЙ

Книга задумана как единое целое; разделение на три тома вызвано чисто внешними причинами.

Четыре *главы, посвященные эпохам* (напр., «Обзор литературы республиканской эпохи»), которые открывают основные главы II–V, представляют собой литературную жизнь данной эпохи в поперечном разрезе. За этими главами всегда следует глава, посвященная поэзии, после нее — прозе в целом, с подразделениями по авторам и жанрам. В рамках каждой эпохи произведения одного жанра обсуждаются по возможности вместе, но авторы, которые могли бы оказаться в разных рубриках, появляются только однажды.

Для рассмотрения в продольном разрезе используются *главы, посвященные жанрам* (напр., «Римский эпос»), названия которых выделяются *курсивом.* Они всегда предшествуют главе, посвященной самому раннему из важнейших представителей.

Та же цель достигается постоянной структурой *глав, посвященных авторам:* жизнеописание, датировка; источники, образцы, жанры; литературная техника; язык и стиль; образ мыслей; традиция; влияние на позднейшие эпохи. При этом литературно-теоретические размышления («Образ мыслей I») в силу их особенной важности рассматриваются отдельно от взглядов соответствующего автора на остальные предметы («Образ мыслей II»).

В библиографических указаниях сокращения без инициалов (напр.: Leo, LG) отсылают к общему списку сокращений в конце книги, а таковые же с инициалами и датами (напр.: F. Leo 1912) — на библиографический список в конце каждой главы.

Написание места издания всегда совпадает с указанным в приведенной книге (поэтому наряду с Romae могут появиться Roma и Rome). Имена современных ученых даются Капителью. Сокращения имен латинских авторов — принятые в Thesaurus Linguae Latinae (редкое исключение для Сенеки и Клавдиана служит для того, чтобы облегчить поиск). Сокращения названий журналов и прочих изданий приведены в списке сокращений. Сокращения при названиях: Т (текст), П (перевод), К (комментарий), Пр (примечания).

ВВЕДЕНИЕ: ЛИТЕРАТУРА И ЕЕ ИСТОРИЯ

Слова «римская литература» означают для нас все, написанное на латинском языке в античную эпоху. Официальная дата падения Западной империи приходится на 476 г. по Р. Х.; в 529 году император Юстиниан закрывает Платоновскую Академию, а Бенедикт основывает монашеское братство на Монте Кассино. Так символично одна традиция прерывается как раз тогда, когда зарождается новая.

Различие между сегодняшним общепринятым представлением о литературе и древним следует указать заранее: античная литература включает не только поэзию и прозу с вымышленными сюжетами, но и речи, исторические и философские произведения — то есть художественную прозу в широком смысле. Необходимо принимать во внимание также и научно-популярные книги — о сельском хозяйстве, праве, военном деле, архитектуре и т. д. Разница между литературно обработанными и обычными письмами трудноразличима, и потому было бы чистым произволом принципиально игнорировать в рамках истории литературы как раз самые проникновенные личные сообщения — такие, как переписку Цицерона и Аттика. Таким образом, границы между «изящной» и «прикладной» словесностью менее отчетливы, чем в новое время: даже и «прикладные» тексты часто в определенной мере стремятся к изяществу, а «польза» в глазах римлян вовсе не порок для словесности изящной. Как раз эта особенность, впрочем, и придала жизненные силы римской литературе: с одной стороны, изящные формы делали для читателя более доступной, например, философию, с другой — многие поколения до нас читали латинских авторов не столько ради эстетического наслаждения, сколько ради содержания.

Нашему историко-литературному познанию назначен жесткий предел: только небольшая часть римских литературных памятников дошла до нас, и постоянно необходимо считаться с громадностью утрат. Для многих сохранившихся произведений мы не располагаем их греческими образцами, и становится затруднительно судить о собственном творческом вкладе римского писателя. Для некоторых авторов — иногда

для целых групп таковых — под вопросом оказываются датировки, у большинства плохо известны биографии. Что касается реконструкции исторического фона, с которым должно сопоставить литературу, сплошь и рядом мы оказываемся вынуждены привлекать как раз литературные данные. Опасность порочного круга подстерегает на каждом шагу: между пределами понимания современников и потомков лежит пропасть. Обо многом, что для авторов разумеется само собою, они не говорят ни единого слова. То, что они пишут, отражает подчас скорее контекст их образцов, нежели их собственный. Ограничения, накладываемые традицией и жанром, зачастую становятся непреодолимыми. Иногда удается перспективное углубление, в особенности если мы располагаем относительно богатой посторонней информацией: но тогда оказывается, что общепринятые знания[1] подчас скорее скрывают, нежели освещают неповторимость индивидуума и его творческого вклада. Есть ли вообще литературно-исторические пути к постижению величия?

Указанные проблемы отражаются на характере и структуре настоящей книги: величие и значение авторов можно понять с исторической точки зрения не в последнюю очередь по их жизни в последующие эпохи. Показать, что оказывало влияние и что могло его оказывать, — тоже задача истории литературы. Поэтому отражению римской словесности в европейских литературах здесь уделено больше внимания, чем обычно.

Основная отличительная черта римской литературы, которая делает ее матерью европейских литератур, — ее способность к возрождению — в первый раз заявила о себе в христианской латинской словесности античной эпохи; как типичный случай это должно присутствовать в истории римской литературы. Поскольку эпоха поздней Империи живет противостоянием язычества и христианства, отдельное рассмотрение

1. «Величие подлинного искусства... заключается в том, чтобы вновь открыть ту действительность, которая так удалилась от нашей жизни, вновь ее постигнуть и сделать ее известной другим, — действительность, от которой мы отходим на тем большое расстояние, чем более плотной и непроницаемой становится пелена наших конвенциональных познаний, сделавшихся для нас ее заменой». M. Proust, *Auf der Suche nach der verlorenen Zeit*, VII. Die wiedergefundene Zeit, Frankfurt und Zürich 1957, 327f.; оригинал: *A la recherche du temps perdu*, VII. Le temps retrouvé, Paris 1954, v. 8, 257.

позднеантичного язычества было бы уязвимо и с исторической, и с методической точки зрения.

Конечно, «великим» писателям уделено больше места, чем прочим, но при этом автор не отказывался открывать что-то новое в некоторых из «меньших». В конце концов, занятие менее читаемыми произведениями изощряет взор, делая его восприимчивее к величию общепризнанных[2].

2. «Невозможно понять знаменитых, будучи бесчувственным к тем, кто остался в тени» (Franz Grillparzer, *Der arme Spielmann*).

ПЕРВАЯ ГЛАВА:

УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАМКИ

Географические и политические условия. Апеннинский полуостров, с севера ограниченный Альпами, а с остальных сторон омываемый морем, образует в географическом отношении некоторое единство. Долгое время, однако, Апеннинские горы препятствовали расширению римской области в долине По, которая в этническом отношении занимает особое положение как Цизальпийская Галлия. Более значительному числу гаваней на побережье Тирренского моря соответствует ярко выраженная западная ориентация: поэтому римляне достаточно долго отказывались от приобретений в восточной части Средиземноморья. С этнографической точки зрения царит многообразие: римляне и родственные народности сначала занимают ограниченные территории в средней Италии и горных районах. В Тоскане располагаются этруски, в долине По — галлы, в южной Италии — греки. То враждебные, то мирные взаимоотношения с этими народами отражаются в римской культуре и литературе.

Роль Италии признает Катон Старший: в его *Origines* дается обзор — наряду с Римом — других городов полуострова, однако его пример не создает школы у позднейших историков. Вергилий творит памятник народам и местностям Италии в таких образах, как Турн и Камилла, а также в Списке италиков. Различие между столицей и остальной Италией воспринимается как весомое еще в I в. до Р. Х.

Долгое время Рим находится (позднее в этом не хотели признаваться) под этрусским владычеством. Этрусского происхождения — многие вещи, которые считаются типично римскими: связки прутьев как знаки отличия должностных лиц, гладиаторские игры, вероятно, и самое имя — *Roma.* Культурное влияние простирается от гаданий до устройства театральных представлений, изобразительного искусства и архитектуры.

Греческие культурные достижения, известные с древнейших времен, проникают все далее по мере расширения географического горизонта: от заимствования алфавита из Кум, через внедрение этрусских и оскских особенностей сценического действа, до встречи с греческой трагедией и комедией в Таренте. Греческие писатели, которым подражали древнейшие латинские, по большей части связаны с Великой Греци-

ей либо по происхождению, либо по темам. Ранним и наиболее впечатляющим свидетельством остаются *Законы двенадцати таблиц*, ориентированные на право греческих городов, и «пифагорейские» — опять-таки связанные с нижней Италией — сентенции Аппия Клавдия.

Город Рим лежит в значительном отдалении от морского берега, возле моста, по которому переправлялись через Тибр идущие по Салариевой дороге. Положение на древнем торговом пути благоприятно в хозяйственном и военном отношении. Поэтому сначала осуществляется сухопутная экспансия, и потому отношения с морской державой — Карфагеном — долгое время складываются превосходные, тем более что у них есть общий соперник — Этрурия. Конфликт возникает тогда, когда Риму достаются все гавани полуострова, и столкновение интересов становится неизбежным. Крестьянский народ принимает новый вызов и становится — чуть ли не проснувшись на завтрашний день — победоносной морской державой. Территориальные приобретения влекут за собой и новые культурные и духовные вызовы, на которые даются новые ответы: политическое объединение выводит на первый план как самое имя *Италия*, италийские мифы — только сейчас Карфаген становится «наследственным врагом» — и образ единой истории, так и — позднее, но жизнеспособное творение — собственную латинскую литературу[1].

Столица привлекает — постоянно увеличивая число пользующихся правами римских граждан — элиту италийских городов и, естественно, одаренную молодежь. Таким образом Рим становится поприщем для талантов из нижней и средней Италии, позднее также из Галлии и остальных провинций.

Литература может быть отголоском великих исторических событий, однако не как простое воспроизведение, но как набросок новых вопросов и ответов. Так эпос Невия становится плодом первой Пунической войны, Энния — обращается ко второй, *Энеида* Вергилия появляется после столетия гражданских войн.

Ослабление социальных и политических связей в эпоху поздней Республики косвенно способствует возникновению великой поэзии индивидуального самовыражения. То, что «но-

1. Предпосылкой послужило достигнутое к тому времени расширение ареала латинского языка (см. раздел *Язык и стиль*, стр. 47)

вый порядок» Суллы не встретил никакого жизнеспособного литературного отклика, — тоже показатель дистанции между этим диктатором и Августом.

Переворот, заменивший Республику Империей, ярче всего отражается в изменившемся значении ораторского искусства: из средства побуждать окружающих к принятию политических решений оно становится в лучшем случае средством психологического анализа и самовоспитания, в худшем — поприщем для виртуозов.

Гражданский мир, установленный Августом, вызывает неповторимый литературный расцвет. На фоне взаимопроникновения греческой и римской культуры и восприятия ойкумены как единого целого может развиться такой субъективный жанр, как элегия, привнесенный младшим поколением, которое не достигло сознательного возраста к эпохе гражданских войн и пользовалось благодеяниями принципата с удовольствием, но без благодарности.

Энтузиазм эпохи Нерона позволяет еще раз сбросить балласт литературных традиций и отважиться на свободный творческий порыв. При этом на первый план выступают те области, которые были до сих пор довольно далеки для римлян; достаточно упомянуть *Naturales quaestiones* Сенеки и *Естественную историю* Плиния Старшего.

Культурное сознание города Рима и Римской Империи как единства проявляется в латинском языке еще раз при Домициане. После этого государство постепенно все больше расчленяется на самостоятельные культурные ландшафты; пока еще пограничные области посылают своих лучших представителей в Рим (как Испания в Серебряный век), затем родина становится излюбленным поприщем писателей: достаточно вспомнить об африканцах со времен Апулея.

УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Меценатство. Литературная политика и меценатство могут способствовать литературе или стеснить ее. Республиканские магистраты, которые устраивали праздничные игры, содействовали возникновению комедии и трагедии. Август с Меценатом и этот последний с Горацием и Вергилием сделали правильный выбор: личному вмешательству государя мы обязаны даже и сохранением *Энеиды.* У Тиберия была не столь счаст-